

Лу Цяньтан говорил усталым голосом, словно уже почти засыпая:

— Ваше Высочество, раньше вы использовали меня как оружие, почему тогда вы не жалели меня?

Сяо Цинму засмеялся:

— Если говорить об этом, то ты тоже не прав, верно?

Лу Цяньтан немного помолчал, потом засмеялся:

— Ладно, пусть будет ничья.

Сяо Цинму тоже молчал некоторое время, затем тихо сказал:

— Ты не хочешь рассказать мне о том, что произошло за этот год?

Лу Цяньтан долго молчал, и Сяо Цинму уже подумал, что он уснул, но тот вдруг заговорил, его тон был непринужденным:

— Нечего рассказывать, Ваше Высочество, вы и сами все догадались. Воевать или не воевать — все равно было нелегко, каждый день жизнь висела на волоске...

Он слегка повернулся и сказал:

— Если бы не наманьцы, я бы не знал, с кем сражаться. Мне повезло, иначе я бы, возможно, так и остался там, может быть, никогда бы не вернулся.

Сяо Цинму взял его за руку и сказал:

— Я говорил, что то, что ты хочешь, я, возможно, могу тебе дать. Если ты согласишься...

— Ваше Высочество, — Лу Цяньтан открыл глаза и пристально посмотрел на него, его взгляд был горячим, — все, что у меня есть сейчас, не мое. Это мои две тысячи легких кавалеристов оплатили своей кровью и жизнями. У меня уже нет другого пути. Они доверили мне свои жизни, и мне придется идти до конца, я не могу дезертировать.

Сяо Цинму тихо засмеялся, погладил его волосы и медленно сказал:

— Дослушай меня. Я знаю, что Ингао не может удержать тебя, и тебе здесь неинтересно, но то, что ты хочешь сделать, я помогу тебе — Цяньтан, ты мне веришь?

Глаза Лу Цяньтана на мгновение опустели, он открыл рот, словно решившись, и наконец сказал:

— Если Ваше Высочество сейчас хочет меня, я могу остаться с вами, потому что я все еще оружие, направленное наружу. Но если лезвие повернется, осмелитесь ли вы оставить меня у себя на подушке?

Сяо Цинму легонько вздохнул, возможно, сытый и довольный, он был особенно терпелив и продолжил:

— Тогда я спрошу у маленького генерала, зачем я сейчас оставляю тебя у себя на подушке? Чтобы ты трижды за два предложения меня разозлил?

Лу Цяньтан на мгновение замер, его внимание вдруг переключилось, и через некоторое время он с легкой обидой произнес:

— Я так раздражаю?

Сяо Цинму слегка потянул его за волосы и сказал:

— Похоже, все, что я говорил во дворе, прошло мимо тебя — ты сам сказал, что послушных и забавных полно, зачем мне искать тебя, чтобы злиться? Обычно ты такой сообразительный, почему в таких вещах ты такой непонятливый?

Лу Цяньтан сдался, закрыл глаза и сказал:

— Я устал, не буду говорить.

Сяо Цинму взял его за веко:

— Если не разберемся, я не усну, открой.

Лу Цяньтан прижался к нему, не обращая внимания.

Сяо Цинму снова взял его за шею и сказал:

— Хватит, я уже начал подозревать, что ты специально вытягиваешь из меня слова, но, похоже, ты действительно не очень сообразительный, куда делась твоя смекалка?

Лу Цяньтан фыркнул в его объятиях:

— Я просто не сообразительный, не понимаю, что говорит Ваше Высочество, а вы все время намекаете, тогда не говорите, я не пойму.

Сяо Цинму рассмеялся и сказал:

— Ты стал больше похож на ребенка, постоянно капризничаешь — где я намекаю? Зачем ты зря обвиняешь?

Лу Цяньтан небрежно кивнул:

— Нет, я просто выдумал, устал, не зовите меня.

Сяо Цинму снова вздохнул, наклонился к его уху и сказал:

— Тогда скажи, что ты хочешь услышать? Ваше Высочество скажет тебе, хорошо?

Лу Цяньтан, известный своей мягкостью, снова поднял голову и посмотрел на него, его тон наконец смягчился:

— Я ничего не хочу слышать.

Сяо Цинму сказал:

— Тогда я не буду намекать, и ты не прячься, осмелишься?

Лу Цяньтан отодвинулся, чтобы лучше видеть его, и сказал:

— А что мне бояться?

Глаза князя Цзинь, обычно кажущиеся соблазнительными и улыбочными, теперь были серьезными, скрывая глубину под внешней легкостью.

На горизонте заалел рассвет, слабый свет проник через бамбуковые окна, разгоняя густую тьму. Ночью прошел дождь, и влажный аромат цветов и листьев витал в воздухе.

Сяо Цинму приподнялся, его длинные волосы рассыпались по плечам, рассветный свет падал за его спиной, и он сказал:

— Ты не хочешь быть в клетке, я пойду с тобой обратно в твои степи, никто не сможет отнять твою свободу.

Сяо Цинму дотронулся до его лица и сказал:

— Ты можешь доверять мне, не нужно каждый день думать о том, какую ценность Лу Цяньтан представляет для других, или что ты должен обменять на эту ценность, как ты меняешь свою жизнь на заслуги — ты для меня другой, мне ничего не нужно, кроме тебя, мне нужна твоя доверие, твоя искренность, и я могу дать тебе то же самое, все остальное неважно, что бы ты ни хотел, я могу тебе дать, согласен ли ты на эту сделку?

Лу Цяньтан долго смотрел на него, словно в трансе, и наконец схватил его за руку:

— Мое доверие уже твое, что касается искренности, я не знаю, как это выглядит, но если Ваше Высочество дадите мне свою, я, конечно, соглашусь.

Сяо Цинму не смог сдержаться и поцеловал его в лоб:

— Тогда не говори больше о том, в какую сторону направлено лезвие, откуда ты знаешь, что окажешься на моей стороне? Что бы ты ни хотел, я помогу тебе.

Лу Цяньтан помрачнел и сказал:

— Что я хочу? Все эти годы я был сыном маркиза Динбэя, парнем из Лянъяня, наследником Волчьей кавалерии. Мой учитель всегда говорил, что за моей спиной весь дом маркиза Динбэя, весь Лянъянь, я не должен жить только для себя, но я никогда не знал, кто я сам. Если бы я был просто Лу Цяньтаном, то каким бы я был?

Лу Цяньтан поднял голову, глядя на шелковый балдахин, и сказал:

— Я не жалею, что поехал в Лянгунь, и не чувствую себя обиженным, я хотел найти то, что мой отец искал всю свою жизнь, и найти самого себя.

Лу Цяньтан посмотрел на него, улыбнулся:

— Я не совсем безуспешен, я, кажется, понял кое-что, чему мой отец хотел меня научить, но не успел, но я все еще не могу найти себя, и не знаю, что останется от меня, если убрать все эти ожидания и ответственность — так что, Ваше Высочество, чего я хочу, я сам не знаю.

Сяо Цинму обнял его и сказал:

— Ничего страшного, впереди долгий путь, давай будем искать медленно, я тоже научу тебя, что кроме всех этих ожиданий, которые на тебя возложены, ты получишь много неожиданного.

Лу Цяньтан не ответил, не зная, понял ли он или не согласился.

Сяо Цинму продолжил:

— Например — если тебе что-то не нравится, ты можешь это выбросить, никто не может заставить тебя это есть, если ты не найдешь вескую причину, но есть или не есть, ты можешь решить сам.

Лу Цяньтан сказал устало:

— Я просто не могу понять, мой учитель говорил, что люди — это ветер без корней, когда придет время уходить, они уйдут — я был с ним десять лет, для меня он был семьей, но, кажется, он учил меня, воспитывал меня только из-за дружбы с моим отцом, и это не имело никакого отношения ко мне. Все эти годы я мог быть чем угодно, но только не самим собой. Я не хочу этого.

Сяо Цинму нежно погладил его по спине и сказал:

— Тогда скажи мне, хочешь ли ты избавиться от всего, что на тебя возложили?

Лу Цяньтан посмотрел на него яркими глазами и сказал:

— Не знаю.

Сяо Цинму улыбнулся:

— Ничего страшного, ты найдешь ответы — в Великом Ци семь областей, десятки и сотни рек и гор, то, что ты ищешь, скрыто где-то среди них. Когда ты поймешь, ты сможешь сам решить, где остаться и куда уйти.

Сяо Цинму сказал:

— Ты всегда свободен.

Лу Цяньтан обнял его в ответ и засмеялся:

— Ваше Высочество, вы стали добрее, даже не сердитесь на меня.

Сяо Цинму щелкнул его по лбу:

— Не болтай, ты будешь спать?

Лу Цяньтан кивнул:

— Уже рассвело.

Сяо Цинму засмеялся:

— Ты, случайно, не проголодался? Может, поешь, а потом спи?

Лу Цяньтан не хотел двигаться и сказал:

— У меня болит поясница, не хочу есть.

Сяо Цинму посмотрел на него:

— Ты что, зазнался? Какое отношение боль в пояснице имеет к еде.

Лу Цяньтан повернулся к нему спиной и вздохнул:

— Опять начали ругаться, не хочу, я устал.

<http://bllate.org/book/16145/1445985>